

**ЭХО ЭПОХИ:
ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ**

МОЛОГА

**ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ
ЗАТОПЛЕНИЯ**

1860–1950-е

УДК 82-94
ББК 63.3(2Рос-4Яро)
М75

Совместный проект издательства «Медиарост» и Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

М75

Молога: до, во время и после затопления. 1860–1950-е / П. И. Зайцев, А. А. Фенютин, С. И. Куликов, П. А. Зимяхин и др. ; Под общ. ред. В. В. Горошникова, А. С. Клопова. – Рыбинск : Медиарост, 2019. – 528 с.: ил. (Эхо эпохи: дневники и мемуары, ISBN 978-5-906070-76-0)
ISBN 978-5-604118-35-1 (отд. кн.)

Книга «Молога: до, во время и после затопления. 1860–1950-е» – особое издание в серии «Эхо эпохи», в котором представлена широкая и неоднозначная картина жизни людей на протяжении столетия, начиная с середины XIX века и до Великой Отечественной войны, на территории Мологского края, ныне затопленного водами Рыбинского водохранилища. В книге собраны воспоминания мологжан – уже получившие признание «Записки пойменного жителя» Павла Зайцева и публикуемые впервые тексты, авторы и герои которых – самые разные люди, от профессора до крестьянки, заставшие разные эпохи. Кроме того, издание содержит научно-популярные очерки об истории Мологи, водохранилища и Верхневолжских гидроузлов, а также редкие фотографии конца XIX – начала XX столетий. Множество ракурсов и весьма откровенных подробностей создают объемную панораму русской действительности и раскрывают много непростых тем.

**УДК 82-94
ББК 63.3(2Рос-4Яро)**

© «Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2019

ISBN 978-5-604118-35-1 (отд. кн.)
ISBN 978-5-906070-76-0

© Издательство «Медиарост», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами – необычная по своему содержанию и структуре книга. Она посвящена затопленному Мологскому краю, образ и судьба которого успели обрасти романтическим ореолом и растиражированными легендами. Материал в издании подобран так, что он раскрывает очень сложную и неоднозначную картину жизни людей на этой территории в широком временном охвате – за более чем семьдесят лет. Читателям не предлагается готовых решений и оценок, наоборот, с каждой прочитанной страницей, с каждой новой неожиданной подробностью панорама действительности предстает всё более противоречивой и глубокой.

Мы объединили самые разноплановые тексты: здесь и классический исторический очерк о городе, и выдержки из исследований, редких документов, и интереснейшие мемуары жителей края, и научно-популярный рассказ об истории строительства и устройстве Рыбинского гидроузла. Такое сочетание стилей, жанров, форм, аспектов неслучайно – оно позволяет показать разные, подчас поллярные точки зрения, из которых складывается многомерное полотно русской жизни с 1860-х до 1940-х годов.

Первая часть книги знакомит нас с собственно историей Мологи. Это хорошо и доступно написанный, научно выверенный очерк, в котором ёмко показаны основные вехи жизни древнего города.

Во второй части собраны воспоминания мологжан. Открывают её «Записки пойменного жителя» Павла Зайцева. Это уже третье полное издание мемуаров крестьянина, родившегося в деревне Новинка-Скородумово Мологского уезда. Предыдущие два раза произведение выходило отдельными книгами, и оба тиража были быстро раскуплены. Впервые фрагмент «Записок» был опубликован в журнале «Новый мир» (1994, № 11). Рукопись редактировал Юрий Кублановский. Он сравнивал стиль повествования Зайцева с писательской манерой Пришвина и Аксакова – по силе и живописности слова, точности изображения. Удивительно, но многие тексты воспоминаний других жителей Мологского края, собранные в этой кни-

ге, не уступают «Запискам» Павла Зайцева по художественной красоте, выразительности и глубине эмоционального воздействия. А ведь некоторые из них ни разу нигде не публиковались, о них практически никто не знал! Уверены, что они станут настоящим открытием для читателей.

Авторы и персонажи воспоминаний – земляки, объединённые общей трагедией, но это самые разные люди – от профессора до крестьянки, и жизнь их на малой родине тоже была очень разной. В глазах одного гармоничное и единственно верное жизненное устройство закончилось вместе с революцией. Второй автор описывает удивительно добрую и благополучную атмосферу в Мологе уже в 1920–1930-е годы, рассказывает о сильных раннесоветских школах, благодаря которым выходцы из Мологи поступали в крупные вузы... А в это же самое время, повествуется в другом тексте, в деревне неподалёку люди жили в страшной нищете, – об этом говорит, например, одна лишь деталь: работницы местного колхоза имели по одному-единственному комплекту пуговиц, который приходилось регулярно перешивать с зимней на весеннюю одежду и обратно.

Мемуары мологжан полны контрастных деталей, но многие образы в их текстах перекликаются – это подчеркивает, что в основе – не художественное преувеличение, а объективная реальность. И это реальность, показанная «изнутри», через простые человеческие эмоции и наблюдения, описания быта, уклада жизни, природы.

У собранных воспоминаний богатая хронология: некоторые герои застали отмену крепостного права, другие были непосредственными свидетелями переселения в 1940-х годах и подробно описывают события, предшествовавшие затоплению. При этом разрушается множество мифов. Так, становится очевидной нелепость истории о сотнях мологжан, которые будто бы покончили жизнь самоубийством, приковав себя цепями, под стремительно нахлынувшей толщей воды. На самом деле рукотворное море заполнялось постепенно, на протяжении нескольких лет. Но были, действительно, и люди, отказывавшиеся переезжать: в одном из текстов повествуется о женщине, которая летом жила на берегу напротив своего

подтопленного дома, у костра, устроив между домом и берегом деревянный мостик.

Некоторые факты откровенно шокируют, причем удивляет, что рассказчики говорят об этом без особого драматизма, как о чем-то обыденном и неизбежном. Чего стоит история о молодой женщине, которую, разлучив с болеющим малышом, отправили валить лес в помощь заключённым Волголага. Или упоминания о коллективных разграблениях и осквернении храмов, о мародерствах на могилах... Многие уже было в какой-то мере подготовлено к главной мологской трагедии задолго до того, как обжитые места превратились в ложе водохранилища.

Завершает книгу послесловие – содержательный научно-популярный экскурс в историю строительства Рыбинской ГЭС. Авторы без патетики, максимально непредвзято рассказывают о том, почему переустройство Волги считалось необходимым, как был воплощен проект, как именно проходило «Великое переселение» жителей, какие итоги и последствия имело создание волжских гидроузлов. События представлены в тексте не только с современной точки зрения, но и через восприятие людей той эпохи, в том числе участвовавших в строительстве.

Книга содержит иллюстративные блоки – редкие фотографии конца XIX – начала XX столетий. Пожалуй, только на них теперь и можно увидеть достопримечательности Мологи, городские панорамы, хроники переселения и возведения гидроузлов.

До рокового решения судьба Мологского края была похожей на истории десятков тысяч других городков, деревень и сёл. Перед нами – яркий, целостный и объемный фрагмент общей картины русской жизни XIX–XX веков. Книга легко читается и открывает много непростых тем для размышления.

МОЛОГА ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Год первого упоминания: 1149

Год упразднения города: 1940

Число жителей: 4253 (в 1897 году)

История Ярославского края помнит город, которого нет. Нет его ни на современных картах, ни в статистических документах. Однако забыть о нём невозможно. Старинный городок Молога, затопленный в XX веке при строительстве Рыбинского водохранилища, живёт в сердцах покинувших его обитателей и их потомков, а потому история «Русской Атлантиды» неотделима от истории всей Ярославской земли.

Исчезнувший город располагался примерно в тридцати километрах от Рыбинска выше по течению Волги, на левом ее берегу, в месте впадения в нее реки Мологи. Точная дата основания города неизвестна. К сожалению, археология не может прийти на помощь неясным письменным данным. В «Сказании о Холопёй войне» конца XVII века Молога названа ровесницей Ярославля. Согласно этому источнику, город и окрестности населяли беглые новгородские холопы-язычники. Это подтверждается находками из курганов в районе западных притоков реки Мологи. Первое упоминание о Мологе в летописях относится к 1149 году – времени войны ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого со своим племянником, великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем. По сообщению ряда летописей, князь Изяслав предпринял военный поход на волжские владения Юрия и сжег все сёла и города по Волге от Кснятина до Мологи. Правда, что подразумевалось под Мологой в тех сообщениях, сказать сложно. В одних документах она прямо названа городом (Пискарёвский летописец: «и Мологу воеваша, иде же есть град»), в других, скорее всего, речь идет о реке (Московский летописный свод: «идоста до устья Мологы»).

Первоначально Молога входила в состав Ростовского княжества, а с 1218 года – в состав Ярославского. В 1321 году образовалось уже самостоятельное Мологское княжество. Мологские удельные князья ведут свою родословную от Михаила Давидовича, внука ярославского князя Фёдора Чёрного. Земли нового княжества простирались по Волге от Белой Юги до Юхоти. Для своей резиденции мологские князья избрали устье реки Мологи, поставив здесь крепость и палаты.

Мологское княжество не было крупным и влиятельным, однако и захолаустным его не назовешь. На Мологе, в пятидесяти верстах от устья, располагался так называемый Холопий городок. Здесь в пятнадцатом столетии, а может и раньше, проходила крупнейшая ярмарка того времени, куда «съезжались купцы немецкие, греческие, итальянские, персидские». Иноземцы привозили сюда «шития прюзорочные», греческие вина и пряности. Местные торговцы сбывали ценные меха, рыбу, зерно и лён. По словам Н. М. Карамзина, «сия ярмонка слыла первою в России до самого XVI столетия», а ярославские краеведы XIX века, не стесняясь смелых эпитетов, именовали торг в Холопьем городке «почти всемирным». К XVI веку пошлины, собираемые с торговцев, достигали ста восьмидесяти пудов серебра в год.

После смерти Михаила Давидовича княжество не разделилось между тремя его сыновьями, а полностью перешло к старшему сыну Фёдору. Во времена его правления Молога оказалась в гуще политической борьбы между Москвой и Тверью, и князю приходилось лавировать, не раз меняя собственную позицию в этом споре. В 1371 году Молога была выжжена войсками Михаила Тверского. Через четыре года Фёдор Михайлович принял участие в походе московского князя Дмитрия Ивановича (прозванного позже Донским) на Тверь.

Мологский князь Фёдор со своей дружиной сражался в 1380 году в знаменитой Куликовской битве, находясь на правом крыле русско-го воинства. В 1386 году он вновь продемонстрировал лояльность Донскому, участвуя в походе на Новгород. И всё же окончательно принимать сторону Москвы Молога не спешила, обеспечивая собственную независимость путем династических браков с тверским

княжеским домом. Однако после смерти властного князя Фёдора Михайловича Мологское княжество утратило единство и, раздробившись на уделы, постепенно оказалось под полным контролем Москвы.

При великом князе Московском Иване III большая часть бывшего Мологского удела вошла в Верховской стан Ярославского уезда, однако посад Молога отошёл к уезду Угличскому. В то же время экономическое значение Мологи в XVI веке повысилось: сюда был переведен торг с Холмогорского городка. Некоторое время Молога оставалась крупным торговым центром Московского государства. Однако обмеление Волги постепенно стало препятствовать прохождению больших судов. Славу «всемирного» Мологского торгового центра теперь оспаривали Макарьевская и Ростовская ярмарки, а основание Архангельска, изменившее маршруты международной торговли, заметно снизило экономическое влияние Мологи.

Не пощадило Мологский край и Смутное время. В 1609 году, по выражению историка К. Головщикова, «жители мологской страны имели несчастье изменить царю Василию Шуйскому, но вскоре одумались и опять присягнули ему же». В 1617 году, уже при Михаиле Фёдоровиче, Молога подверглась разорению остававшихся на русской территории интервентов.

Герб города Мологи: в верхней трети щита в серебряном поле – медведь с секирой, в нижних двух третях, в лазоревом поле, – часть земляного вала с серебряною каймой, или белым камнем. Валы на гербе напоминали о мологской крепости и княжеских временах, к XVIII веку уже порядком подзабытых.

При Романовых Молога именовалась уже не городом, а «дворцовым посадом», обязанным, как и соседняя Рыбная слобода, поставлять государю красную рыбу – по три осетра, десять белорыбиц и сто стерлядей ежегодно. В начале XVIII столетия в Мологе,

входившей в состав Угличской провинции Московской губернии, имелись ратуша, два каменных храма и четырнадцать торговых лавок. Местное купечество занималось хлебной торговлей, однако большая часть жителей «за скудостью довольствовалась волгскою черною работою».

Новый взлёт в судьбе Мологи пришелся на Екатерининскую эпоху. В 1777 году, с подсказки первого ярославского генерал-губернатора А. П. Мельгунова, Екатерина II даровала Мологе статус уездного города и собственный герб. В этот момент в Мологе насчитывалось 418 домов, 20 лавок, а число жителей едва превышало две тысячи.

В Мологе были построены присутственные места, однако чиновников для работы в них отчаянно не хватало. Мельгунов сокрушался: «Для письмоводства нижних канцелярских чинов немного, а способных еще менее».

Однако в 1796 году Молога произвела весьма благоприятное впечатление на императора Павла I. Переночевав в городе, царь был «невыразимо весел и ласков» к мологжанам и даже прислал инженеров для строительства судоходного Пушменского канала, призванного соединить Волгу с Шексней в обход Рыбинска. Как и многие импульсивные решения Павла I, затея эта была лишена каких-либо практических оснований, и после смерти императора о Пушменском канале никто не вспоминал. Однако уже в 1811 году, с открытием Тихвинской водной системы, Молога вернула былые позиции на торговых путях страны.

Начинаясь в устье Мологи, Тихвинский водный путь соединял Волгу с Санкт-Петербургом через систему рек, озёр и каналов. По сравнению с Мариинской системой (она шла по реке Шексне), этот маршрут оказался короче, но годился только для «мелкосидящих» беспалубных судов с небольшой грузоподъёмностью – «тихвинок». Тем не менее движение по Тихвинской системе было весьма оживлённым: в XIX столетии через Мологу ежегодно проходило около семи тысяч судов, а сам город вновь получил возможность жить волжской торговлей. Помимо речного пути, здесь пролегал и сухопутный Петербургский тракт.

Десяток небольших заводиков, среди которых числились, к примеру, пряничный, крендельный и свечной, едва ли позволял всерьёз говорить о промышленности Мологи. Превышая многие города Ярославской губернии по населению, Молога в начале XIX века оставалась последней по числу объявленных купеческих капиталов, являясь преимущественно городом судовладельцев и судорабочих. По описаниям одного из путешественников, это был «небольшой городок, весьма узенький и длинный, представляющий из себя один из торговых, хотя неважных, пунктов... Мологжане – росту средственного, лицом недурны, речисты, замысловаты, в торговле трудолюбивы».

Несмотря на свою скромную роль в экономике страны, город Молога постепенно набирал силы, преображался, становился типичным уездным городом. К середине XIX столетия в нём насчитывалось почти 700 жилых домов, из которых 34 были каменными. Общее количество жителей превышало четыре тысячи человек. Город сохранял свой торговый статус: в нем имелось 3 магазина, 86 лавок, 4 гостиницы и 10 постоялых дворов; ежегодно проводились три ярмарки (Афанасьевская, Средокрестная и Ильинская). По объёмам торговли Молога значительно опережала многие уездные города Ярославской губернии, занимая пятое место.

Промышленное же значение Мологи весь XIX век оставалось ничтожным. Из более или менее значимых событий в этой сфере можно назвать лишь появление винокуренного, колбасного и водочного заводов крупнейшего мологского купца Павла Подосёнова.

Главными достопримечательностями Мологи на рубеже XIX–XX веков оставались храмы: Воскресенский собор, Вознесенская церковь и древний Афанасьевский монастырь, известный чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери.

Любопытно, что в числе достоинств скромной Мологи гости неизменно отмечали её здоровый климат и чистый воздух. По свидетельствам историков, даже во время многочисленных эпидемий этот город являл пример удивительной стойкости к любым заболеваниям.

В декабре 1917 года в Мологе была установлена власть большевиков. Причем произошло это только при помощи мологжан-матросов Балтийского флота, узнавших, что в их родном городе всё ещё управляет комиссар Временного правительства. От Реввоенсовета Балтийского флота они получили разрешение срочно выехать на родину, где образовали военно-революционный комитет, упразднивший все старые органы власти.

С этим событием связан один трагикомичный эпизод. Уездный комиссар Временного правительства Немцевич, получив ультиматум от ВРК о передаче власти в городе, обнаружил в составленном матросами документе несколько орфографических и пунктуационных ошибок. Педагог по основной профессии, Немцевич красным карандашом аккуратно всё исправил и в конце резюмировал: «Сначала научитесь писать грамотно, а потом и думайте о власти». Матросы к совету не прислушались: власть всё же взяли, а свергнутого комиссара препроводили в тюрьму.

В первые годы советской власти Молога жила обычной для всех небольших советских городов жизнью. Менялись названия улиц, закрывались храмы, основывались новые учебные и культурно-просветительные учреждения.

В 1930-е годы здесь строится машинно-тракторная станция, промкомбинат и элеватор. Ставка в развитии Мологи была сделана на природные богатства этого лугового края. Коллегия Наркомзема СССР признала район Молого-Шекснинского междуречья центром семеноводства лугопастбищных трав союзного значения. Здесь открылись семеноводческий колхоз, техникум и семеноводческая станция. Казалось, у районного центра есть серьёзные перспективы. Однако грандиозный проект «Большая Волга» подписал городу беспощадный приговор: рукотворное Рыбинское «море» должно было стереть Мологу с лица земли.

По первоначальному плану подпорный уровень водохранилища (высота воды над уровнем моря) должен был составить 98 метров. Именно на этой отметке лежала Молога. Город и большую часть Мологского уезда можно было спасти. Однако уже в ходе строительства

ради повышения мощности Рыбинской ГЭС подпорный уровень повысили до 102 метров, и Молога попала в зону затопления.

1 сентября 1936 года мологжанам объявили о ликвидации города и переселении. Более двухсот городских домов, согласно оценке горисполкома, подлежали сносу. Их владельцам было предписано в кратчайшие сроки покинуть город, за потерянное жилье выдавалась символическая компенсация. Остальные дома планировалось разобрать и по Волге на плотках перевезти на новые места. Переселение началось в сентябре 1936 года. На наспех сколоченных плотках люди пытались увезти хоть что-то из прежней жизни, претерпевая в дороге бесчисленные мытарства, двигаясь навстречу неизвестности. В 1940 году город Молога официально прекратил свое существование.

К 1947 году территорию города затопили полностью. Большинство мологжан были переселены в Заволжский район Рыбинска (Слип). На месте приема переселенцев не было ничего – ни медпункта, ни продуктовой лавки. Глинистая почва, плохо пригодная для хозяйства, – вместо заливных пойменных лугов. Нехватка работы на ближайшей судовой верфи. «Новой Мологой», как было задумано, этот район так и не стал. Переселенцы обосновывались и ниже по Волге – в Тутаеве, Норском, Ярославле, перебирались в Москву и Ленинград. Жизнь лишившимся родины людям приходилось начинать с нуля.

За поэтичным названием «Русская Атлантида» стоят невосполнимые утраты, боль и тысячи исковерканных жизней. В наши дни коренные мологжане и их потомки из разных городов ежегодно собираются вместе, ощущая единство судеб. В начале 1990-х, когда уровень Рыбинского водохранилища на время понизился, краеведам удалось организовать экспедицию на обнажившуюся часть Мологи. Собранные ими материалы и отснятый фильм легли в основу Музея Мологского края, открывшегося в Рыбинске в 1995 году.

Уровень Рыбинского моря колеблется и сегодня. Порой Молога показывается над водой, являя миру фундаменты стен, мостовые и кладбищенские плиты – призрачные руины, ставшие символом потерянного, но не забытого прошлого.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О МОЛОГЕ**

П. И. ЗАЙЦЕВ

ЗАПИСКИ ПОЙМЕННОГО ЖИТЕЛЯ

***

Весной 1941 года, за два месяца до начала Великой Отечественной войны, в северо-западной части России на пространстве почти в пять тысяч квадратных километров произошла трагедия для живой природы.

В ту весну на Верхней Волге, в пойме между реками Мологой и Шексной, образовалось рукотворное водохранилище, окрещённое Рыбинским морем.

Поясню читателю понятие «пойма». Оно означает низменные пространства земли у рек или озёр, временно затопляемые водой во время весенних либо осенних дождевых паводков. Так вот, весеннее таяние снега в русском северо-западе ежегодно наполняло водой притоки Волги – Мологу и Шексну – до такой степени, что обе эти реки не успевали уносить свои воды в Волгу и поэтому выходили из берегов, соединяясь вместе и образуя по всей низменности, где протекали, водную гладь. Поэтому Молого-Шекснинское междуречье и можно было назвать поймой.

Уникальной была земля, по которой текли эти две реки. Но вот то ли в конце двадцатых, то ли в начале тридцатых годов кому-то из тогдашних советских специалистов запала в башку, закралась идея утопить эту землю, захоронить её под водой навсегда, благо, сделать это было относительно просто.

И это – осуществили.

По своей величине рукотворное Рыбинское водохранилище действительно оказалось похожим на море – оно не имеет себе равных на всём Европейском континенте: простирается в длину больше чем на 120 километров, в ширину – больше чем на 50; в нём находится до 24 миллиардов кубометров воды...

Строительство Верхневолжского гидроузла у города Рыбинска явилось не только потерей огромного куска земли в пойме между

реками Мологой и Шексней. Это строительство особо повлияло на постепенное умирание Волги на всём её протяжении. Переборская шлюзовая плотина отрубила хвост Волги и почти полностью уничтожила её приток – в то время судоходную Мологу. Строительство же плотины для гидроэлектростанции в устье Шексны полностью поглотило образовавшимся водохранилищем второй приток Волги – тоже судоходную реку Шексну. Таким образом, с окончанием строительства Волга лишилась своего собственного истока и двух питающих её рек. В своём нижнем течении река начала мелеть, и это сразу худо сказалось на судоходстве.

Для ликвидации мелководья надо было что-то делать. И вот рождаются новые идеи. На этот раз ещё более грандиозные: строить в нижних течениях Волги новые плотины для подпора воды. Казалось, что, претворяя эти идеи в жизнь, проектанты убивали, так сказать, одним выстрелом сразу двух зайцев: с одной стороны, новые плотины позволяли ликвидировать мелководье реки, с другой – попутно решалась проблема энерговооружённости страны.

Тогда, при разработке этих пафосных планов, всё это казалось правильным. А что получилось на самом деле, на практике? Теперь всем, даже непросвещённым людям, стало понятно, сколь опрометчивы были эти планы, к какой трагедии привели. Теперь пришла великая горечь.

В нижних течениях Волги утоплены огромные пространства сельхозугодий, в хранилищах у плотин образовался застой гнилой воды, повысился уровень подпочвенных вод, произошло заболачивание земель. Это заранее спланированные издевательства над живой Матерью-природой, намеренное её уничтожение во всём волжском бассейне. Строительство же в тридцатые годы Рыбинского гидроузла на Верхней Волге явилось своеобразной «раковой опухолью» как для организма всей реки, так и для людей, живущих на её берегах. Именно отсюда пошли все беды Волги.

По моему глубокому убеждению, верхневолжское строительство явилось одним из ярких проявлений волонтаризма правящей верхушки сталинского режима, а также и специалистов-гидрострои-

телей. В их больных головах и возникла дикая идея: а почему бы, скажем, из Кубани отправиться в Москву не по железной дороге, а по воде, ведь это так просто осуществить: достаточно, перегоротив Волгу плотиной, устроить водохранилище (благо, низина под него имелась между впадающими в Волгу Мологой и Шексной), и пожалуйста: хоть сам отправляйся из Кубани до Москвы на теплоходе, хоть вози по воде любые грузы.

Главным мотивом «нужности» строительства Рыбинского гидроузла – гидростанции (которая, кстати говоря, оказалась немногочисленной даже по тому времени: всего 400 тысяч киловатт) считается осуществление «сталинского плана» – сделать Москву портом пяти морей: Балтийского, Белого, Каспийского, Чёрного и Азовского. За претворение этого плана в жизнь была назначена и сполна заплачена грандиозная цена: перелицовка всей Центральной России.

В те кошмарные для народа 30-е годы правящая элита государства с маниакальной подозрительностью относилась к людям, абсолютно не считаясь ни с волей, ни с каким-либо правом, ни с самой жизнью простых смертных, а уж тем более – с местом их традиционного обитания, особенно в сельской местности. Под железную руку перековщиков русской жизни суждено было попасть огромному пространству земли с прелестями живой природы и населённым поймы между мощными притоками Верхней Волги: Мологой и Шексной.

И оно появилось – Рыбинское водохранилище, водоём-душегуб. Оно помечено на всех географических картах мира. Оно с самого начала своего возникновения погубило живую природу в самой Молого-Шекснинской пойме: множество разновидностей животного и растительного мира, характерного для русского северо-запада, а впоследствии, повторяем, пагубно отразилось на всем волжском русле.

Я ясно помню 30-е годы. Сколько было шума, безудержного ажиотажа вокруг гидростроительства на Верхней Волге!

Только вот сельские, деревенские, хуторские жители не сразу узнали о плане затопления родной земли, земли, на которой они

веками безбедно жили. А узнав, пришли не то чтобы в уныние, а в полное душевное расстройство. Они не знали, к кому обратиться за помощью, как отвоевать право жить на своей земле. Надеяться было не на кого, несмотря на то, что в то время сталинская пропаганда на все лады твердила о социалистической демократии.

И всё-таки не верилось, что такая богатая земля будет затоплена. Поуспокоившись, молодо-шекснинские крестьяне продолжали привычную жизнь. Однако мысли роились в головах. И по ночам, лёжа в постелях, думали о том, что же с ними хотят сделать власть имущие, что ждёт народ впереди? Горькими были для них конечные 30-е годы.

Что требовалось для осуществления плана гидростроительства на Верхней Волге? Во-первых, для такой огромной по тому времени стройки нужна была техническая оснащённость. Во-вторых – сотни, тысячи рук: рабочая сила. Страна, с трудом поднимавшаяся тогда из руин, технической оснащённостью не располагала: гидростроительной, землеройной техники не было; даже автомобили-грузовики производились на штуки в день. Зато народу в стране, особенно в самой России, пусть ещё покуда и лапотной, было вполне достаточно. Поэтому проектанты и руководители строительства Верхневолжского гидроузла сделали главную ставку на принудительное привлечение мускульной силы. В их руках был строгий контроль над массами и их беспрекословное подчинение.

На человеческих костях построено гидросооружение на Верхней Волге у Рыбинска в те 30-е годы. Тысячи, десятки тысяч заключённых работали здесь. Немало было из их числа и тех, к чьим душам было припечатано клеймо *враг народа* или *кулак-мироед*.

«Врагов народа» тогдашние управители вместе с энкавэдэшниками и не без участия местных властей находили очень просто. И так же просто поставляли дешёвую рабочую силу на гигантские стройки страны. Делалось это так. Заранее намеченных граждан вызывали в городское или районное НКВД и говорили: «Петров, у вас на заводе и, в частности, в вашем цехе есть враг народа. Мы пока не знаем – кто он. Вот тебе срок – пять дней. Найди врага. Не найдёшь –

посадим за укрывательство». Что оставалось делать Петрову в такой ситуации? Многие «Петровы» искали и «находили», другие – сами становились узниками.

Такие безнравственные руководящие указания и инструкции, исходящие от людей, посаженных в кресла кабинетов и олицетворяющих народовластие в стране, были нормой. Так формировалась и направлялась рабочая сила и на гидростройку на Верхней Волге. Подобное правило действовало тогда не только в городах, но и в сельской местности.

В то время было широко распространено слово *принудиловка*. Если простой смертный не выполнял каких-либо распоряжений местных властей, его зачастую даже не судили по закону, а просто посылали на принудительные работы сроком на год или больше.

Вот такое бесчеловечное время было в государстве под всевидящим оком мудрейшего из мудрейших, под руководством великого кормчего Сталина, которого подхалимы и угодники всех рангов и мастей с большим усердием прославляли во множестве стихов и песен, в живописных полотнах, во всех докладах и лекциях. Его приветствовали не только лозунгами во всех общественных местах, но даже хвалебными надписями на кривых деревянных заборах. А в это время ссыльные и заключённые в лагерях работали «под руководством великого Сталина» в бесчеловечных условиях.

Орудиями труда заключённых были тогда кирка, «лопата – милая подруга» и «тачка – вторая жена». С помощью этих примитивных приспособлений в тела Переборской и Шекснинской верхневолжских плотин длиной более пяти километров, а высотой местами более двадцати пяти метров были уложены миллионы кубометров земли, камней и бетона. Землю и камни доставляли к месту укладки по деревянным настилам на двуручных тачках с расстояния от места плотин до километра. Камни подвозили Бог весть откуда, ибо поблизости от места строительства их не было.

Огромный людской муравейник из тысяч заключённых в течение нескольких лет ежедневно кишел, двигался, как единый, заведённый злой рукой механизм.

Умерших от изнурительного труда хоронили, как павших животных, недалеко от стройки. Родственников о смерти не оповещали. Стройка велась поблизости от Рыбинска, и многие горожане то сами, а то через детей и подростков передавали заключённым сухариков, дешёвых сладостей к чаю. Сострадание к судьбам невольников всегда исходило из людской души, как луч солнца сквозь тучи ненастья.

Кроме сооружения Волжского, Шекснинского шлюзовых каналов в Переборах и гидроэлектростанции в устье Шексны надо было подготовить под затопление водой территорию всей Молого-Шекснинской поймы. Чтобы сделать это, необходимо было снести около 700 сёл, деревенок и хуторов, в том числе и два уездных города – Мологу и Весьегонск. В этих населённых пунктах в общей сложности проживало тогда свыше 150 тысяч человек.

Мученические слёзы текли из глаз каждого – старого и малого жителя поймы. Люди не могли без сострадания смотреть на царивший разор. Они стонали при ломке своих домов, скотных дворов, бань, хлебных амбаров, сенных сараев... Шутка ли: сказать мужику-крестьянину – уходи с обжитого места, переселяйся на новое! Но сталинские холуи в то время могли позволить себе такие «шутки» и умели безнаказанно шутить с безвластным простым народом, подвергать его страданиям и мукам.

Не один год, кто как мог, переселялись тогда молого-шекснинцы с мест привычного обитания на новые места жительства. Сотни домохозяев перевозили свои сломанные постройки за многие версты от поймы – в Пошехоно-Володарский, Рыбинский, Мышкинский, Некоузский и Краснохолмский районы. На купленных специально на время перевозок конных подводах люди делали десятки рейсов туда и обратно, часто по-мужицки матюгаясь при неудачах в дорогах. Великое множество переселенческих семей валили свои сломанные постройки в Мологу и Шексну, сплавивая брёвна в плоты и гоня их вниз по течению. Они селились по берегам Волги у городов Рыбинска, Тутаева, под Ярославлем. Так появились целые поселения молого-шекснинцев по всей области. У Рыбинска, например, возник-

ли большие посёлки Копаетово и Веретье, деревни Макарово и другие; селились изгнанные на Скомороховой Горе, на волжском левобережье. Под Ярославлем они нашли места в Норском, по обеим берегам Волги. Всех новых поселений молодого-шекснинцев не перечислишь.

Мужики, гнавшие плоты, сколоченные из своих построек, водой, на всю жизнь запомнили, как, причалив те плоты к берегам Волги, они надрывали пупки, выкатывая из воды брёвна. Помнят, с каким трудом укладывали их на конные подводки, а потом вывозили в гору, постоянно подбадривая лошадей: «Нн-оо-о! Но, милая, давай, дорогуша, давай!» Помнят, как везли свои постройки до той точки на земле, которая была их новым местом жительства. Помнят, как месяцы подряд жили в походных условиях, как бабы-переселенки то под жарким солнцем, то под непогодью, прямо под открытым небом варили похлёбки и каши для мужиков и детей...

Словно гигантскую бомбу сбросили в сердце Молого-Шекснинского междуречья, и взрыв её безжалостно уничтожил животных, растения, поселения, а людей разметал по сторонам на многие десятки и сотни вёрст.

Конечно, сталинское государство проявляло «заботу» о переселенцах. Каждая семья получила так называемые подъёмные денежные средства. Но на те средства мужик мог построить на новом месте не больше как баню или курятник. Все расходы, связанные с переселением, молодого-шекснинцам приходилось оплачивать наёмным подсобникам по большей части не деньгами, а натурой – зерном, мукой, маслом, мёдом, картошкой, овцами, даже коровами. Словом, кто чем мог... А сколько в связи с переселением пойменским крестьянам пришлось ликвидировать добротного скота и всякой домашней утвари! Никто этого не подсчитывал, никто об этом толком не знал – ни тогда, ни теперь. Страшное, великое переселение – трагедия страны, трагедия для мологжан и шекснинцев, слёзное прощание со своей землёй-матерью, на которой жили они сами и столетиями жили их предки. Прощание – *навсегда*.

Трагизм судьбы молодого-шекснинцев усугубился вскоре новыми обстоятельствами. Пока они в тяжелейших условиях натужно рабо-

тали, над ними нависла беда гораздо более страшная, чем переселение из поймы – началась Великая Отечественная война.

Не успев как следует отстроиться на новом месте, здоровые молодого-шекснинские мужики-крепьши все до единого ушли в сорок первом защищать Россию от фашистов. И те мужики в абсолютном своём большинстве погибли на фронтах войны, оставив своим жёнам-вдовам, сыновьям, дочерям, внукам как великую память о себе переселенческие дома Молого-Шекснинской поймы. Многие тысячи тех домов стоят до сих пор.

...При подготовке Молого-Шекснинской поймы под будущее Рыбинское водохранилище вырубались сотни гектаров добротного леса, обезвреживались могильные захоронения, взрывались церкви, бывшие графские дома и усадьбы. Всё это делали заключённые: невольники были объединены в особые «предприятия» – Волгострой и Волголаг. Волгостроевские лагерники строили также две земляные плотины и гидросооружения на них, а волголаговские заключённые готовили ложе будущего водохранилища. Руководил работами небезызвестный в то время инженер-гидростроитель Рапопорт, имевший личную связь со Сталиным и высшим руководством НКВД.

На территории Молого-Шекснинского междуречья росла знаменитая янская сосна. Называлась та сосна янской по имени села Яна, затерянного среди таёжной глухомани в северо-западной части поймы. Красивое было село – с добротными полями и домами, срубленными из той сосны. Петляющая по лесным чащам и травянистым полям речка Яна своей прозрачной, словно человеческая слеза, водой питала Мологу, в которой водилось множество всякой рыбы. Хорошо помню, как в 1937 году, зимой, я с отцом и ещё несколькими мужиками-колхозниками ездил на лошадях из своего Ножевского хутора пилить лес – выполнять так называемое «твёрдое задание» по лесозаготовкам, устанавливаемое для колхозников. С восхищением любовался тогда на золотистые стволы янских сосен, длиннющих, прямых, без сучков до самой маковки. От местных жителей не один раз слышал рассказы о том, что Пётр Первый посылал русских му-

жиков-лесорубов за той янской сосной. На судостроительных верфях царь приказывал делать корабельные мачты для русского военно-морского флота только из янской сосны. С постройкой Рыбинского гидроузла легендарная сосна канула в Лету.

Под стать янской сосне в пойме росли и дубы. Толщина тех дубьев* у корня нередко достигала даже больше двух мужицких ручных обхватов. По высоте деревья были местами немного ниже янских сосен. Росли они сплошными рощами, были гладкими, прямыми, как свечки, с раскидистыми сучьями на верхушках. Под теми дубьями каждый год, в сентябре-октябре, можно было собирать множество мешков желудей, что и делали пойменные жители. Жёлуди запасали на зиму и кормили ими поросят, которые пожирали те жёлуди лучше, чем любую хлебную запарку.

Дубовые рощи в междуречье давали хороший промысел тамошним мужикам. Из дубьев делали сани, повозки, гнули дуги для лошадиного транспорта, который был тогда единственным видом тягловой силы для всех русских деревень и сёл. Сделанные из молодого-шекснинского дуба конные пролётки и экипажи до революции нередко можно было увидеть на улицах, площадях, у парадных подъездов петербургских и московских господ. Из морёного междуреченского дуба умельцы-столяры вручную выделывали мебель, которая попадала в вельможные салоны Парижа, Лондона и Берлина. На многие сотни вёрст от поймы дубовые поделки считались лучшими среди многих русских губерний. За ними к молодого-шекснинцам ездили издалёка.

За три года до затопления поймы волголаговские заключённые спилили весь высоковыростный лес. Его увязали в огромные пучки с расчётом, что те пучки при затоплении поймы всплывут на поверхность, а после будут выловлены и пущены в дело – на хозяйственные нужды страны. Оно так и получилось. Но не совсем – вышла промашка с дубьями. Дубовая древесина из-за своей тяжести на поверхность воды не всплыла, а так и осталась лежать в связках на

---

* На Мологе дубы называли дубья. (Здесь и далее в тексте П. И. Зайцева прим. Ю. М. Кублановского.)

том месте, где и росла. И ныне, глубоко ушедшая в заилившуюся почву, она покоится на дне Рыбинского водохранилища.

Сенокосные угодья междуречья были настолько богаты травой, что тамошние крестьяне в сенокосную страду ежегодно забивали сеном все обширные свои сараи, повети над скотными дворами и метали множество стогов прямо на лугах, где росла трава. Они умели метать стоги сена так, что никакой дождь их никогда не пробивал. Лишь сверху стоги бурели цветом, а внутри сено было сухое, шуршащее, светло-зелёное. Те стоги, не теряя качества, могли стоять нетронутыми даже по нескольку лет. В августе молодого-шекснинцы брали второй укос отличной травы. Сенное изобилие междуречья было так велико, что добротного травянистого корма с избытком хватало не только для скотины тамошних крестьян. Зимой междуреченцы запрягали лошадей в сани, подъезжали к своим стогам, раскрывали их и, навьючив большие возы сена, везли его на продажу на сенные рынки Мологи, Рыбинска, Тутаева, Красного Холма и даже в Ярославль, Вологду и Тверь. Много спрессованного в тюки молодого-шекснинского сена уходило по госпоставкам и закупкам для корма лошадей в армию. О бескормице для скота жители поймы и понятия не имели. В народе тогда бытовало изречение: «Напой коня мологской водой и дай ему шекснинского сена – тогда коню можно не давать овса». Какая богатая кормовая база для скотины была утоплена! Всё безжалостно загублено, всё навеки погребено!

Мало того что Рыбинское море уничтожило природу и разбросало людей в разные стороны. Гидростроительство на Верхней Волге явилось основой для зарождения последующей, ещё более страшной трагедии для живой природы и миллионов людей, живущих в бассейне Волги. Это я подчёркиваю особо. И пусть никто не пытается такие мои суждения с любой научной колокольни опровергать – все опровержения будут пустопорожни.

И так ещё скажу. По воле судьбы где только мне не приходилось бывать! И во всей жизни своей – за период службы в армии, за время Великой Отечественной войны, а побывал я на многих фронтах, да и после этого времени, когда довелось мне и пешком прой-

ти огромное пространство от Владивостока и за Берлин – повидал и узнал я многое. И наверняка знаю: ни в одной местности так буйно не росли сенокосные травы, разные ягоды и грибы, нигде в водоёмах не водилось такое множество рыбы, в лесах – всякой звериной живности, как в Молого-Шекснинской пойме, уничтоженной творящими Рыбинского моря. Это не преувеличение, не самовнушение моё, не сочинённая тоска по поре детства и возмужания на Молого-Шекснинской земле, а подлинная правда, объективная истина, передать которую мне захотелось людям, живущим на земле сейчас, и всем будущим потомкам.

Проезжая на красивом теплоходе от Астрахани до Москвы и попадая в воды Рыбинского водохранилища, иной пассажир-турист, наверное, спрашивал себя или окружающих: а что же было раньше на месте этого искусственного новообразования, этой огромной массы воды? И наверняка никто толком на этот вопрос не отвечал. Потому что никто из живущих теперь об этом не знает, а кто знал, тот уже умер.

«Кто ты, человек?» – вот вопрос, который поставил перед человечеством великий немецкий философ XVIII века Кант. На кантовский вопрос никто из людей на земле ещё не ответил. Максим Горький в своё время формулярно провозгласил: «Человек – это звучит гордо!» Я не приемлю эту формулу, в ней заложено право человека на безграничную свободу в его поступках и действиях, в ней предусматривается всеобъемлющая воля и эгоизм, которых в человеческом обществе быть не должно. В таких понятиях, по моему мнению, людей воспитывать нельзя. Это будет не человек, а хищник.

У читателя, вероятно, возникнет вопрос: откуда известно автору то, о чём он ведёт речь? Ведь общеизвестно: чтобы писать о чём-либо документальном, надо знать факты. Скажу откровенно – природа не наградила меня даром к сочинительству, и я ничего досель в литературном плане не написал. А вот то, что видел своими глазами, я, мологжанин, могу описать до мельчайших подробностей.

Мне не довелось закончить ни одного сколько-нибудь серьёзного учебного заведения. Писать по литературным правилам я не умею.

КАРТА

АДМИНИСТРАТИВНАГО ДѢЛЕНІЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Видъ Югской Дорофьевой общежительной пустыни
Чертежъ Строителя оной Герасимаха Евсвйя съ справкою 1847 Гоода Октября 10на

*Собор Югской Дорфеевой пустыни. Фотография 1900-х годов.
Взорван перед заполнением водохранилища*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
МОЛОГА. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....	8
ВОСПОМИНАНИЯ О МОЛОГЕ.....	15
П. И. ЗАЙЦЕВ. ЗАПИСКИ ПОЙМЕННОГО ЖИТЕЛЯ.....	16
Часть 1. Былая жизнь дикой природы поймы.....	29
Приход весны и водополицы.....	29
Утиное царство.....	36
Тетеревиные песни.....	41
Белые куропатки.....	43
Заячьи пляски.....	45
Рыбья обитель.....	50
Ловля карасей.....	54
Мологская вода и шекснинская стерлядь.....	61
Вылет метелка.....	66
Жерехи.....	72
Сомы.....	76
Лещи.....	79
Щуки и судаки у печины.....	81
Ловля мальков недоткой.....	83
Ловля голавлей.....	84
Зимние заморы рыбы и ловля её в езах.....	89
Ягоды.....	94
Грибы.....	101
Пчёлы.....	102
Часть 2. Былая жизнь людей поймы.....	106
В большой семье возле странных холмов.....	106
Село Борисоглеб.....	111
Хлеб – всему голова.....	115
Сенокос и скотоводство.....	129

Лён, одежда и обувь.....	139
Дубья и сани.....	144
Гулянья молодёжи и праздники пожилых.....	151
Человеческие поступки, замки и метки.....	169
Мологские богатыри.....	173
Гибель.....	179
Эпилог.....	185
А. А. ФЕНЮТИН. ЗАМЕТКИ О НРАВАХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА МОЛОГИ.....	188
С. И. КУЛИКОВ. УТОНУВШИЙ ГОРОД.....	194
П. А. ЗИМЯХИН. ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ МОЛОГИ.....	219
Ольга Михайловна Блатова (Мусина-Пушкина).....	219
Загадочная могила.....	227
Ю. А. НЕСТЕРОВ. ПАМЯТЬ ДЕТСТВА.....	233
С. А. ЩЁГОЛЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ О МОЛОГЕ.....	252
Мологские улицы.....	252
Сквер.....	258
Профсад.....	264
Школа им. Крупской.....	265
Школа им. Войкова.....	270
Банковцы.....	274
На строительстве элеватора.....	279
Т. В. ФАВСТОВА. ВСПОМИНАЯ РОДНУЮ МОЛОГУ.....	285
О некоторых учебных заведениях.....	285
О Вознесенской церкви.....	288
О нашем берегу.....	292

К. Н. ВАСИЛЕВСКИЙ. СЕЛО МОЕГО ДЕТСТВА. МОЛОГА	296
И. Д. БЕРЕЗНИКОВСКИЙ. СЕЛО БОРИСОГЛЕБСКОЕ – МОЯ МАЛАЯ РОДИНА	337
Поездка в деревню. Борисоглебское приволье.....	337
Трагическое лихолетье.....	355
Заключение.....	358
А. П. ШЕЛОМОВА. КАКОЙ МНЕ ЗАПОМНИЛАСЬ МОЛОГА	360
Н. М. СМИРНОВА. РОЖДЕНИЕ МОРЯ	366
Г. В. БУРША. ПРЕДАНИЯ РОДА ЖАВОРОБКОВЫХ	375
Сватовство Марии Матвеевны.....	376
Семья Жаворонковых.....	378
Детство Александры.....	379
Тётушка Соломанида.....	381
История одного колхозного праздника.....	386
Последние годы (перед затоплением Молого-Шекснинской низменности).....	395
БОЛЬШАЯ ВОЛГА. ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГЭС	408
Волга: накануне перемен.....	410
Проект «Большая Волга».....	413
Плотины на... берегах.....	422
Волгострой.....	431
Волголаг.....	437
Как перекрыть Волгу.....	445
Провалы и прорывы.....	457
Великое переселение.....	462
Энергия Победы.....	471
Стройка длиной в 20 лет.....	479
Верхние ступени. Итоги преобразования Волги.....	483